

трических системах фольклорной поэзии различных славянских народов весьма туманны, как и о поэзии эпохи языкового единства славян.²⁴ Научное изучение ее находится в зачаточном состоянии, а выводы, которые уже сделаны, часто носят гипотетический характер главным образом потому, что исследователям приходится оперировать материалом достаточно поздним, достаточно удаленным от изучаемой эпохи. Все же можно считать доказанным, что одной из праславянских метрических систем была система силлабическая.²⁵ В период падения редуцированных силлабическая схема произведений устного народного творчества дописменной эпохи была, разумеется, нарушена. Особенно показательным в этом отношении является пример русских былин.

В период, когда редуцированные еще выполняли слоговую функцию, «прабылины» были силлабическими, это доказано Н. С. Трубецким.²⁶ Затем они стали тоническими. Эта метаморфоза облегчалась тем обстоятельством, что в фольклорной поэзии славянских народов одновременно с силлабической системой существовал «безразмерный» стих — с неопределенным (разумеется, в известных пределах) числом слогов в стихе. Безразмерным стихом слагались и эпические произведения, и обрядовые песни. В обоих случаях это был так называемый речитативный стих, находящийся на грани между песнью в прямом смысле слова, в которой доминирует напев, и стихом декламационным, где музыкальная модификация подчинена средствам языка. В этом «безразмерном» стихе синтаксическое членение совпадало с членением стиховым.²⁷

Для нас, однако, важно, что усвоенные на Руси церковнославянские силлабические стихотворения в какой-то момент принципиально совпали с фольклорной системой. Не вызывает сомнения, что фольклор — это, если можно так выразиться, наиболее «естественное» слагаемое всякой национальной культуры, если и подверженное иноземным влияниям, то воспринимающее эти влияния лишь в том случае, когда они соответствуют не только запросам, но и законам «собственного» развития. Поэтому нет нужды говорить о «чуждости» церковнославянской силлабической поэзии. Если верно наше допущение, что она проникла в Киевскую Русь в период введения христианства, в конце X в., тогда она еще «застала» редуцированные в слоговой функции.

Впрочем, вопрос о включении церковнославянской силлабики в русскую поэтическую традицию нужно решать положительно и в том случае, если датировать ее проникновение более поздним периодом. Если это случилось в самый момент падения редуцированных и стяжения гласных (впрочем, точно эти процессы не датированы; возможно, они были отделены друг от друга значительным промежутком времени), то и тогда у нас есть все основания считать, что они в течение какого-то времени воспринимались как нечто принципиально отличающееся от прозы.

²⁴ Сумму сведений о «праславянской» поэзии дают работы известного чешского стиховеда Карла Горалка (здесь приводится и литература вопроса): Karel Hořálek. 1) Studie o slovanském verši. — Sborník filologický, XII. Praha, 1940—1946, стр. 268 и сл. 2) Přehled vývoje českého a slovenského verše (Karlova universita v Praze, fakulta filologická. Učební texty vysokých škol). Praha, 1957, стр. 5—7; в данной статье я использую многие выводы К. Горалка.

²⁵ См.: R. Jakobson. 1) Studies in comparative slavic metrics. — Oxford Slavonic Papers, III, 1953, стр. 21—66; 2) The kernel of comparative slavic literature. — Harvard Slavic Studies, I, 1953, стр. 24 и сл.

²⁶ N. S. Trubeczkij. W sprawie wiersza byliny rosyjskiej. В кн.: Prace ofiarowane Kazimierzowi Wójcickiemu. Wilno, 1937, стр. 100—110.

²⁷ R. O. Jakobson. Verš staročeský. — Československá vlastivěda (ČsVI), III. Praha, 1934, стр. 429.